

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

ТАНЕЦ СИТАРЫ ДЭВИ

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

ПОЭМА

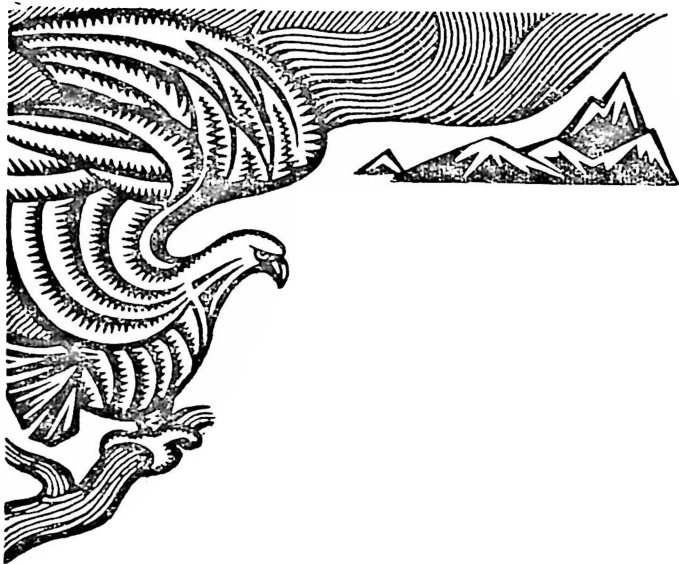
ТАНЕЦ СИТАРЫ ДЭВИ

Д. Кузнецов

Был август земли в созревании и росте,
И Ялта, и всплески волны голубые.
О том, что придут индийские гости,
Я в городе южном услышал впервые.

Просторы ковыльные мне подсказали
Слова вдохновенья и теплые чувства,
Когда расцвели пред моими глазами
Плакаты посланцев большого искусства.

Нельзя разделить нас гористым преградам,
Мы братство культур постигаем на деле:
Афиши театра Ермоловой — рядом
С афишей посланцев Мадраса и Дели.
Застыл я у этого стенда — поверьте,
Не мог равнодушно проследовать мимо.
Узнал я людей всех племен на концерте,
Все съехались к пляжам целебного Крыма.
Вечерней порой розовели эйлаги,
Синели воды глянцевиной равнины,
И реяли здесь величавые флаги
России,

Индии

и Украины.

Свободы знамена и слитность оваций,
Взрыв, в дальнюю даль устремившийся смело:
Высокими гимнами дружеских наций
Оркестров тяжелая медь загудела.
История Индии в песне и пляске —
Надежд и свершений весна вихревая!
Чудесных нарядов горячие краски
Цвели, наши души и взоры лаская.

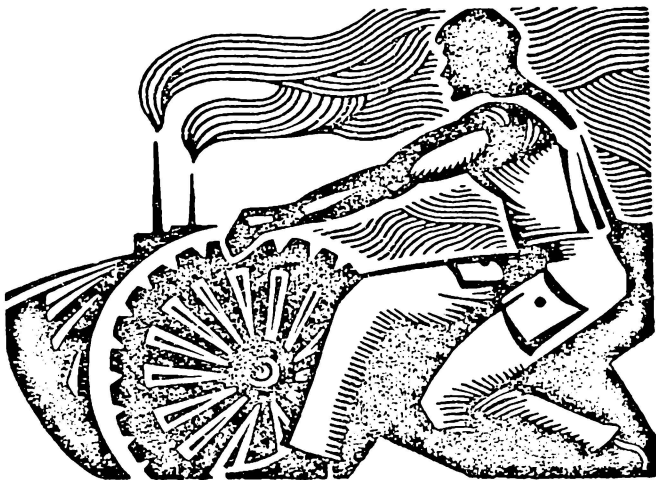
Танцующих девушек легкие платья,
Вихрь плясок, подобный стоцветной лавине.
Вот к пунгу¹ прильнули уста Саравсати²
И ветер заслушался песен богини.
И в этом напеве, немного лукаво
Звучащем на сцене,— в гуденье и звоне
Все чудится мне: и скольжение удава
За юркою обезьяной в погоне,—
Он голову поднял, он млеет, колеблясь,
Он стал изваянием в сладкой дремоте.
Пантера была уже прыгнуть готова,
Газельего мяса едва не вкусила,—
Но песня богини послышалась снова,
И, так и не взвившись, пантера застыла.
Плескались таинственно зыбкие звуки,
Смеялся плодов золотистый румянец:
Бог Шива³ трехликий и четверорукий
Затеял тревожный и дерзостный танец.
Как много страна эта перестрадала,
И как ее путь справедлив и известен:
Восстав ото сна, распрямились чандалы,⁴
И хлынули реки неслыханных песен.

И песнями теми как солнцем согретый,
Застыл я, охваченный мыслью мгновенной:
«Одна синева над просторной планетой:
Пусть дружат народы безбрежной вселенной.

О, если бы с этими песнями всеми,
С напевами, полными подлинной страсти,
Вступить всей землей в небывалое время,
В эпоху людского всемирного счастья!»

И все же из множества танцев под песни
Один был особенно дорог,— певучий,
Он был всех властительней и неизвестней...
И древние реки индийских созвучий
Текли и владели людскими сердцами,
И строки простые слагались сами:

Гибка, что ветвь на древе
Индийских знойных дней,
Скользит Ситара Дэви .
И мысли рвутся к ней.
— О чем ты говоришь нам
Под тихий рокот струн,—
О шутках бога Кришны?
Ведь Кришна сердцем юн.

Безгрешен и смешлив он
И шаловлив подчас.
И каждый стал счастливым,
Едва пустилась в пляс
Ситара молодая,
Явившаяся к нам,—
Цвести, не увядая,
Нести восторг сердцам.
Индийский длится танец.
Быстрее ходит кровь,
И юности румянец
Мы ощущаем вновь.
У всех, как на концерте,

Горит огонь его,
Как отрицанье смерти,
Как жизни торжество.

Это помыслы Рабиндраната Тагора,⁵
Это краски Абининдраната Тагора,⁶
Это память народа, взметенная круто,
Это трубы Бомбея, Пенджаба, Раджпута,
Это песни и нет им предела и края.
Их внимательной памятью жадно вбирая,
Словно мудрости древней караты, крупичицы,
Поучения Бхараты⁷ чудо-страницы,—
Все танцовщица в пляске своей закружила,
Все в извивы змеиные танца вложила.
Это легкое кружево пляски нетленной,
Это вечный полет над бескрайней вселенной,—
Не брильянтом граненым, где отблески жара:
Светом помыслов душу пленила Ситара.

Кружись, Ситара Дэви,
С моей мечтою вровень,

И в нищие деревни,
Под хрупкость бедных кровель
Входи, моя Ситара,
Туда, где взор живой,
Где отливают косы
Ночною синевою.
Входи, моя Ситара!
Века плывут пред взором:
Огонь и вдохновенье
Дают они танцорам,
И музыка грозит им
Красой павлиньих крыл,—
Те песни композитор
Без имени сложил.
В них, славя вечность солнца,
И не ища похвал,
Он сердца волоконца
На гаммы променял.
Входи, моя Ситара,
В века седых легенд:
Играют неустанно
Нагма, табла и ченд.⁸

В мелодии огнистой
Нам дорог каждый звук,
И звуки, словно листья,
Летят, срываясь с рук.
Снова вижу небо в звездах,
Кипарисы, теплый ветер,
Вновь застыл стеклянный воздух,
Снова ясен лунный вечер,
И прозрачен мир вечерний,
И властны плясуньи чары,
И подобны тонкой черни
Брови узкие Ситары.
И в лице столетий мудрость,
Всех веков великолепье,
А в лице познанья утро
И заря над синей степью,
И глаза любви зарницы
Над озерами в тиши,—
Окружили их ресницы,
Как густые камыши.
Лоб высокий, нос прямой,
Танец вкрадчиво немой.

По земной и горной тверди
Как плывет она, легка!
А рубиновые серьги —
Два тревожных огонька —
Тайну знают и горят,
Но молчат — не говорят.
Твердью горной и земною,
Прямо в музыки прилив,
Нитью жемчуга тройною
Шею стройную обвив,
Как легко парит она,
Словно яблонька, стройна!
Любо в музыки извивы
Броситься, скользнуть в испуге...
И подобен ветке ивы,
Гнется стан ее упругий.
Беспечальной звонкой былью
Длятся взмахи и прыжки,
Как раскинутые крылья,
Руки смуглые легки.
Как бренчат ее запястья,
Как горит ее лицо:

Золотым обетом счастья
Блещет каждое кольцо.
И чернеют брови гости,
Свежий рот полуоткрыт,
И браслет слоновой кости
На руке ее блестит.
Эти руки сами, сами,
Зазывая и маня,
Наделяют чудесами
Золотого с синим дня.
О рассветах и закатах
Нам напомнит каждый взлет.
Прямо с плеч ее покатых
Шелк сверкающий течет.
И от рампы и до паддуг
Блещет яркая игра,—
Семь цветов индийских радуг,
Взмах павлиньего пера.
Это нити пестрой пряжи
На свету и в полумгле,—
И едва ли пальцы даже
Прикасаются к земле.

Вот сейчас они, шальные,
Ускользнут наверняка,
Как тушканчики степные,
Убегая от хорька.
И, хотя нам танец внове,
Мы понять ее должны:
Говорят глаза и брови,
А слова ей не нужны,—
Томной музыки удары,
Черных глаз далекий свет:
В танце пламенной Ситары
Отголосок давних лет...

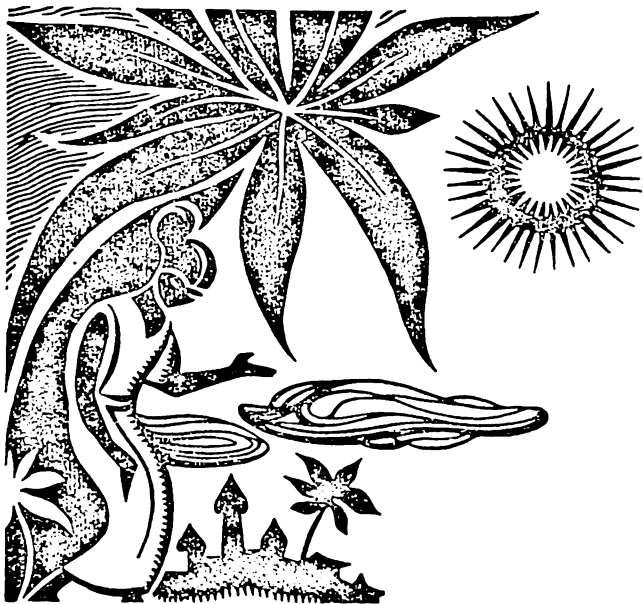
Как будто раскрылась история заново,
И вновь я единство народов постиг,
И, кажется, передо мною Уланова,
И танец раскован, как пушкинский стих.
Я понял, что силы ничуть не утратив,
Во тьме вековой свои корни сплели
Напевы и пляски народов-собратьев:
Я понял — едино искусство земли.
И версты, и поступь скитальческих посохов,

И новый рассвет над хребтами пунцов...
Воочью я вижу отчизну философов,
Страну камнерезов, танцоров, певцов.
О, Индия, светоч, зажженный всей Азией,
Прими эту речь, как признание в любви!
Овеяны неукротимой фантазией
Сказанья, легенды и песни твои.
Земля долгожданная, обетованная,
О, Индия, лотос всей флоры земной!
Хочу я с походным мешком за спиной
Отправиться в путь.

Не экзотикой праздной
Натешу я взор — ты предстанешь мне разной,
Ведь я пешеход — не турист записной.
Предстанешь совсем не парадной, — рабочей,
До всякого знанья земного охочей,
Увижу я вовсе не чинный музей,
Болтливому гиду доверчиво внемля,
Увижу я жизнь своих добрых друзей,
Державы большой плодородную землю:
Пройду над безмерною новью,
По древним дорогам в пыли, —

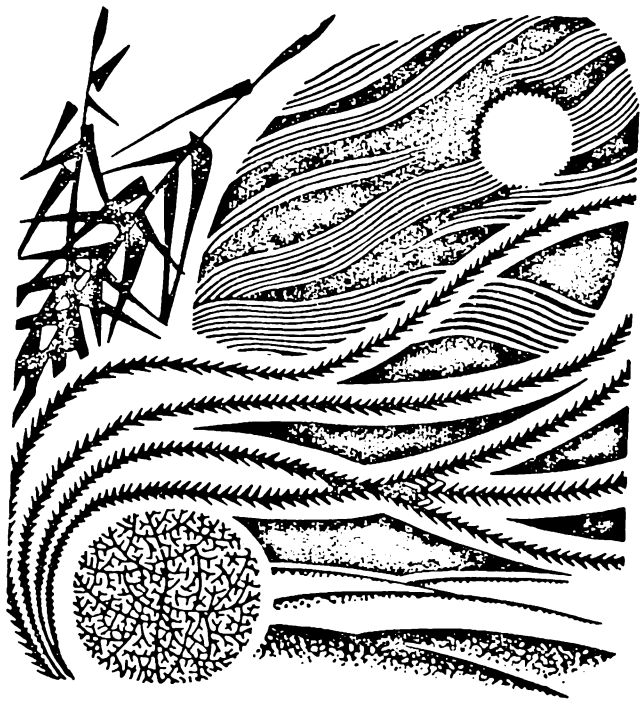

Душой пожелаю здоровья
Народу индийской земли.

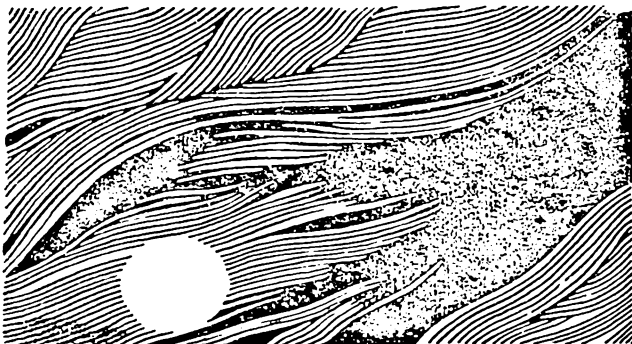

Шамта Прашад,
Дурга Прашад,
Кришна Паникар⁹
С таблы,
Нагма
И ченда
Сорвать спешат
Звуки, полные чар,—
Три музыканта,
Напев—набат,
Говор, огонь и жар,
Шамта Прашад,
Дурга Прашад,
Кришна Паникар.

И словно белеет каюта,
И Волга, и соль, и пески,
А в сердце ракеты салюта,
Калмыцких степей стебельки,
Широкие волжские плесы
И встречи в родимом краю,—
На зорьке холодные росы,
Омывшие землю мою.

Мне вспомнился запах полыни,
Далекого детства причал,
И купол, и колокол синий,
Он, солнцем наполнен, звучал.
А нынче, да как серебристо,
За гранями множества дней,
Звенят колокольчики. Триста
Их в платье Ситары моей,—
А нынче, да как голосисто,
Поют колокольцы, звеня,

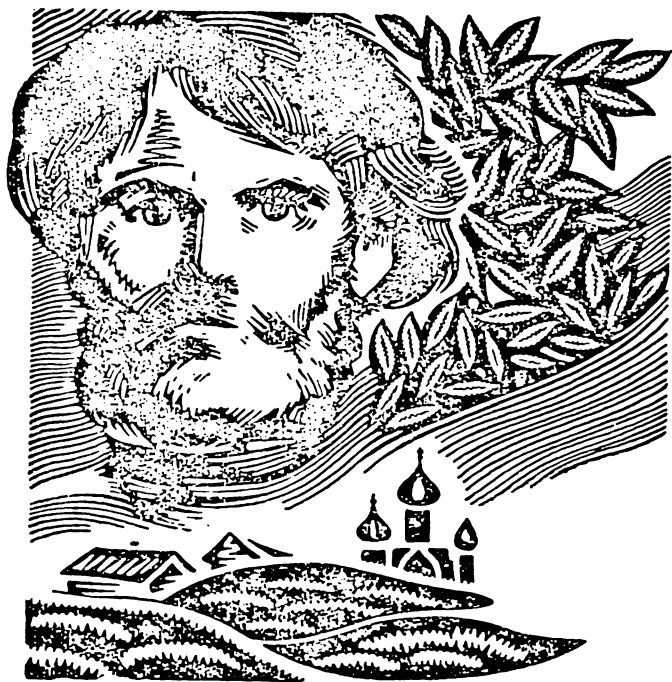

И вижу я волжскую пристань,
И степь, что взрастила меня.
Мне слышатся песни пустыни,
Летающие к солнцу в зенит...
А в летней нетронутой сини
Веселая птица звенит.
Любовь разбивает оковы...
И слышу я шелест и рост,
Журчанье воды родниковой
И голос бестрепетных звезд.

В былые столетия канув,
Прошедшее видеть хочу:
По знойным пустыням Декана
В глубокую древность лечу.
И пляска. А зной ненасытен.
И явственно вижу потом:
Встает Афанасий Никитин,
Себя осеня крестом,—
Я путника вижу плечистого,

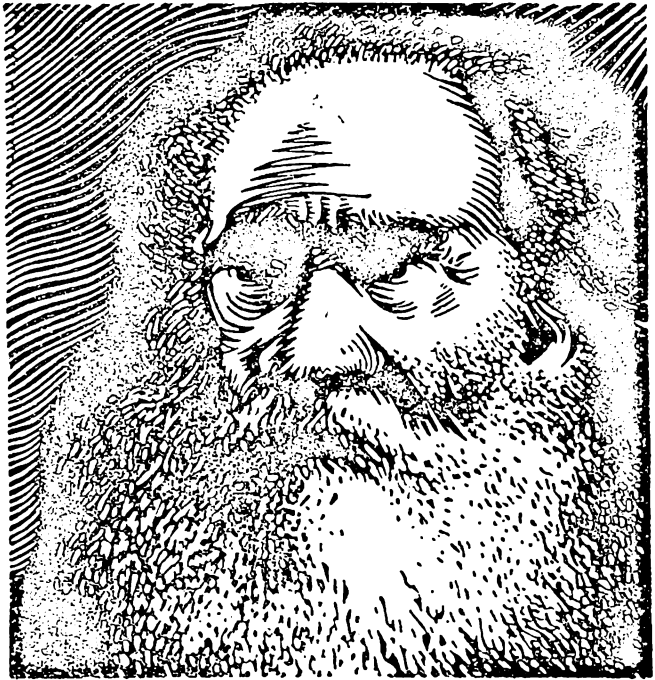

С курчавой, как хмель, головой,
Широкою бороду истово
Кропит он водой ключевой.
От волжской немеряной сини
Ко льдам Гималайских высот
Он, дружбы грядущей зарницу
В груди сохранив, как жар-птицу,
Высокое сердце России
И слово России несет.

Я странника вижу другого:
Мыслителя в блузе простой,—
К истокам индийского слова
Приник восхищенный Толстой.
Он в книгу глядит, седовласый,
Под лампой, расторгнувшей тьму:
Слова Калидасы и Бхасы¹⁰
Покорно открылись ему.

О, пляска, подобная буре,
Восторженным сердцем владей!

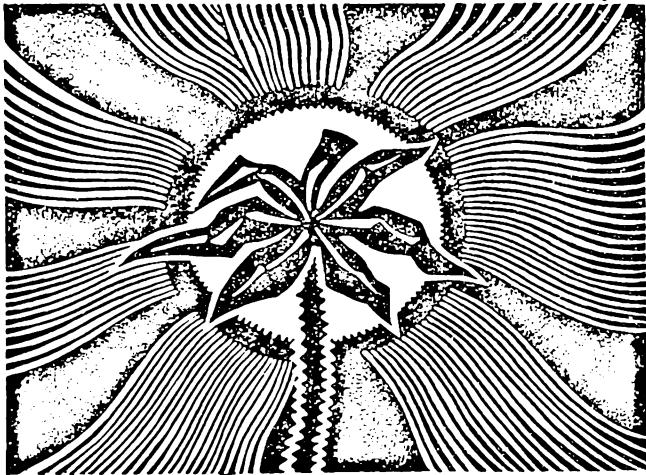

Как в Дели, в Мадрасе, в Джайпуре
Встречали советских людей!
Какие там песни в те дни распевали,
Какое повсюду цвело торжество:
Посланцы России передавали
Сердечный привет от народа всего,
Пусть в капельке Ганга, как в сказке,

Сияет небес вышина,
В раскованной пламенной пляске
Вся Индия отражена.
И в рукоплесканий прилив,
В сердец и ладоней удары,
От танца еще не остыв,
Вошло обаянье Ситары.

Оваця, штормом греми!
Ситара уже не на сцене;
Сойди к нам, скорее сойди,
Не раджа зовет, не эмир...

И, руки сложив у груди...
Она произносит ЛЕНИН,
По-русски и хинди — ЛЕНИН
И вешее слово МИР.

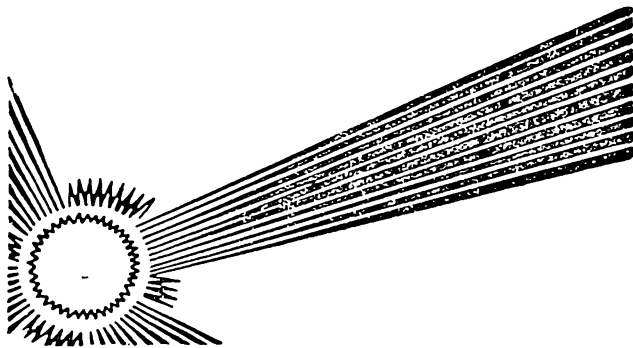

Так в пляске, Ситара, кружись,
Так солнцем взойди на концерте:
В тебе воплощенная жизнь,
В тебе отрицание смерти.
Покорна желанной судьбе,
Душа устремилась к Ситаре:
Я Индию славлю в тебе,
Танцовщица в огненном сари.

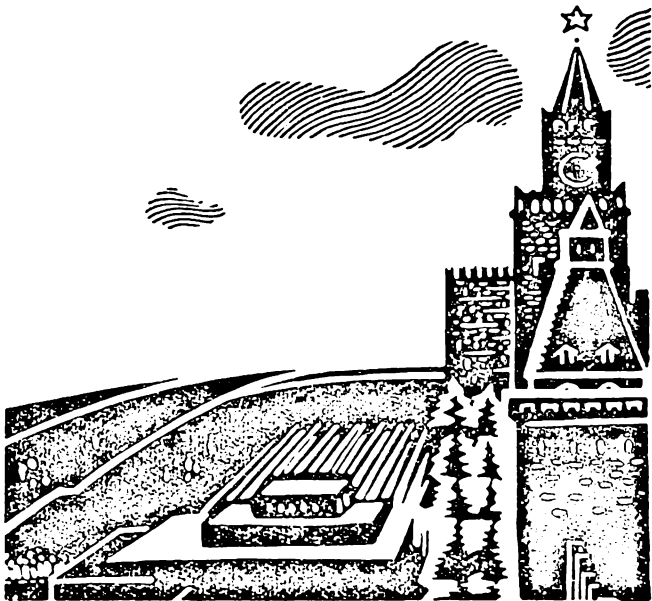

И зрители с места встают,
Что Индию сердцем узнали,
Незыблемой дружбы салют
Гремит в переполненном зале:
И небо, и звездная тьма,
И соки земли жизненной,
Яйлы, кипарисы и сосны
И пены жемчужной кайма,

Соцветья, ладони ветвей
И пальмы над пляжем янтарным,—
Все, все аплодирует ей
В порыве одном благодарном.
И если бы вы у меня
О том, что здесь было, спросили,
Здесь Индию,— молвил бы я,—
По-братски встречала Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пунг — индийский духовой музыкальный инструмент.
- ² Саравати — богиня, жена верховного бога Брахмы.
- ³ Шива — бог разрушения, иногда изображается танцующим.
- ⁴ Чандал — пария.
- ⁵ Рабиндранат Тагор — великий индийский писатель.
- ⁶ Абиндранат Тагор — знаменитый индийский художник.
- ⁷ Бхарата — великий мудрец древности. Около двух тысяч лет назад собрал и систематизировал танцы Юго-Восточной Индии.
- ⁸ Нагма, табла, ченд — индийские музыкальные инструменты.
- ⁹ Шамта Прашад, Дурга Прашад, Кришна Паникар — музыканты.
- ¹⁰ Калидаса, Бхас — гениальные индийские писатели древности.

Давид Никитич Кугультинов

ТАНЕЦ СИТАРЫ ДЭВИ

п о э м а

Перевод с калмыцкого
Александра Голембы

Макет и художественное
оформление
Николая Будникова

Редактор В. И. Пальчиков.
Техн. редактор Т. А. Гайдаш.
Корректоры Е. Я. Шарбут и
З. А. Касимцева.

Калмыцкое книжное издательство,
г. Элиста, 1969 г.

Сдано в набор 23.VII-69 г. Подпи-
сано к печати 1.X-69 г. Формат
60x108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 2. Печ. л. 1,65. Уч.-изд. л.
1,15, Тираж 49000 экз. Заказ
№ 3901. Цена 12 коп.

Краевая типография,
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.